

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 58(1839)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена беседа И. Шишкина с доктором исторических наук А. Плотниковым «Катынское дело – инструмент гибридной войны», опубликованная на сайте газеты «Завтра», 20 мая 2020 года.
Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/protiv_fal_shivok.

Вологда
июнь 2020

Алексей Плотников: «Катынское дело - инструмент гибридной войны»

Кто расстреливал польских военнопленных?

7 мая 2020 года в Твери по решению прокуратуры со здания бывшего УНКВД по Калининской области была снята мемориальная плита в память о якобы расстрелянных в нём поляках, поскольку отображённый на ней текст «Памяти поляков из лагеря Осташков убитых НКВД в Калинин ради предостережения мира», как выяснилось, не основан на документально подтверждённых фактах, а сама доска была установлена поляками явочным порядком, без соблюдения необходимых правил.

Дикая истерика, устроенная либеральной общественностью в связи с решением прокуратуры Твери, была вполне предсказуемой. Вскоре к ней присоединилось несколько десятков академиков, подписавших письмо с призывом не допустить «реабилитации сталинизма и его деяний как внутри страны, так и за её границами, признания своей преемственности с ним, что автоматически возлагает на современную Россию ответственность за совершённые им преступления».

Это письмо ещё раз подтверждает, что часть российской интеллигенции так и не излечилась от привычки быть крайне эффективным инструментом в чужих руках, поскольку фальсификация событий в Катыни и в Тверской области продолжает оставаться в арсенале внутренних и внешних «друзей» России.

Игорь Шишкин. Алексей Юрьевич, Катынь – это не вопросы истории, это актуальная политика. Вы темой Катыни занимаетесь давно и основательно...

Алексей Плотников, доктор исторических наук. Без всякого сомнения – «Катынь», в широком смысле этого слова, в настоящее время является инструментом гибридной войны, оружием разрушения целостности нашего сознания. Я считаю «Катынское дело» одним из самых опасных элементов этой войны...

Игорь Шишкин. «Катынский вопрос», как и «пакт Молотова – Риббентропа», сыграл немалую роль в сокрушении Советского Союза. Александр Яковлев, который раскручивал эту

тему по каналам советского телевидения, знал, что делал.

Алексей Плотников. Согласен. Яковлев был одним из главных духовных вдохновителей лживого «катынского мифа». Группа, активно работавшая на «польско-геббельсовскую» версию событий в Катыни, получила польские государственные награды, при этом Яковлев был отмечен высшей наградой.

Тема Катыни в антисоветском изводе впервые возникла в 1950-х годах, когда в сенате США была создана специальная комиссия, которая с той же степенью «обоснованности», как впоследствии в деле об убийстве Кеннеди, вынесла вердикт, что расстрел поляков в Катыни – безусловно, преступление НКВД.

Хотя до того всё было абсолютно по-другому: ни в войну, ни в первые послевоенные годы ни у кого не было ни малейшего сомнения в том, что это было преступление нацистской Германии. Хотелось бы подчеркнуть, что для гитлеровцев это было одним из рядовых преступлений. Напомню, что «катынское дело» немцы «вбросили» постфактум в апреле 1943 года.

Известно, что гитлеровцы уничтожали польскую интеллигенцию и на территории самой Польши, например, известный расстрел под Варшавой (так называемый «Пальмирский расстрел» 1940 года). А в Катыни они расстреливали тех, кто мог воевать против них, как позднее многие поляки, воевавшие в составе дивизии Зигмунда Берлинга.

Игорь Шишкин. И зачем Советскому Союзу нужно было расстреливать в 1940 году польских офицеров, прекрасно понимая, что в ближайшее время начнётся война с Германией и польская «карта» будет разыгрываться в ней самым основательным образом?

Алексей Плотников. С политической и военной точек зрения мотивов не было никаких. Все разговоры о том, что это была патологическая месть русофобской Польше (а межвоенная Польша была русофобской), – от лукавого. Расстрел военнопленных – это уголовное преступление, а ко-

гда мы имеем дело с уголовными делами, то должны всегда помнить о трёх краеугольных «составляющих» при их рассмотрении: мотив, возможности и улики. При этом ключевыми являются улики.

Мог ли быть у нас в «катынском деле» мотив? Давайте посмотрим. Сталин был прагматиком в деле защиты Отечества, вообще Советский Союз в целом достаточно был прагматичен. Да, Польша значилась в справке, подготовленной Народным комиссариатом иностранных дел в 1930-х годах, среди главных агрессивных по отношению к нам государств (в этом списке также были Япония, Германия и Финляндия). Мы этого не должны замалчивать.

Игорь Шишкин. И был ещё любопытный документ, составленный польским и румынским генштабами, о планах раздела территории Советского Союза после победного окончания войны против СССР.

Алексей Плотников. Безусловно, и не только он один!

Ещё в 1934 году Польша заключила с Германией договор о ненападении (пакт Пилсудского – Гитлера). И на фоне таких бесспорных фактов «доблестная» Польша нас по-прежнему обвиняет в том, что мы, такие-сякие, 23 августа 1939 года (к слову, последними из европейских стран и вынужденно) заключили с немцами договор о ненападении...

Но если вернуться к мотивам, к деталям... Цифра в 20 000 расстрелянных является выдуманной, лживой и пропагандистской. При этом упор делается на то, что были расстреляны именно офицеры. Но это неправда!

Игорь Шишкин. Почему?

Алексей Плотников. Потому, что даже среди тех, кто был эксгумирован в Катыни немцами в 1943 году, офицеров было отнюдь не подавляющее большинство.

Приведу цифры: более 4100 человек было эксгумировано немцами, из них чуть больше половины были идентифицированы. Офицеров среди эксгумированных было не более 2150.

В Польше же и у российских «мемориальцев» в ходу версия о расстреле именно офицеров – тут же, естественно, автоматически ставится знак равенства с «элитой польского общества». Таким

образом, утверждается, что это была сознательная политика Сталина, который хотел убить всё самое лучшее и независимое в Польше, всегда боровшейся с русским царизмом, а позднее – с диктатом Советов.

Игорь Шишкин. А каковы реальные цифры?

Алексей Плотников. Было три основных лагеря для содержания польских военнопленных: Козельский, Старобельский и Осташковский. Совокупно там (включая дополнительные, менее значительные лагеря) содержалось примерно 15 000 человек.

Из этих трёх лагерей условно «офицерскими» можно назвать лишь два – Старобельский и Козельский. Осташковский же был преимущественно «солдатским», там содержалось 6300 человек, из них офицеров было лишь 400.

Соответственно, чуть менее 4500 офицеров находилось в Козельском лагере, 3800 офицеров – в Старобельском. Суммировав, получим цифру, не превышающую 9000 человек.

А на офицерство во всей этой истории (исключая «политико-пропагандистскую» составляющую) делается такой упор, потому что офицеры – основа армии, её кадровый состав. И немцы это прекрасно понимали и расстреливали в первую очередь офицеров, то есть тех, кто мог составить костяк воинского контингента, который будет воевать против них.

Хочу напомнить, что на территории СССР было создано два крупных воинских польских формирования. Первое – это армия Андерса, почти 75 000 штыков. Андерс, как известно, отказался воевать против немцев.

Для меня это до сих пор труднообъяснимо: 75 000 человек вооружают, снабжают обмундированием, кормят, а они говорят, что воевать не пойдут. Вместо того, чтобы отобрать у них оружие, снять с них форму и, извините, «в одних подштанниках» отправить в Иран, наше советское руководство поступило сверхблагородно. Сталин сказал им: «Ну, не хотите воевать, мы и без вас немцев победим, отправляйтесь!» Генерал Андерс впоследствии в народной Польше был лишён гражданства и воспринимался как ставленник и пособник недружественных сил.

И второе, – это корпус под командованием Берлинга, тоже 75 000 человек, которые храбро воевали против немцев.

Игорь Шишкин. Поляки участвовали в штурме Берлина.

Алексей Плотников. Да. Более того, Берлинг рассматривал как благородный жест со стороны Советского Союза то, что полякам первыми дали войти в Варшаву, и что им была предоставлена возможность принять участие в штурме Берлина. И вот они около Бранденбургских ворот фотографируются!

Игорь Шишкин. Это к вопросу о том, как Сталин «ненавидел» поляков и «мечтал» их всех истребить. И даже если следовать их «логике», то остаётся непонятным, почему Сталин так долго ждал и не перестрелял всех сразу, зачем тратил ресурсы на их содержание?

Алексей Плотников. Абсолютно верно. В 1940 году было уже ясно, что агрессивная Германия на нас нападет. И зная, что из военнопленных поляков можно сформировать вооружённые силы, которые будут нам помогать в войне, расстреливать их – просто глупость. Точнее – абсурд.

Игорь Шишкин. А в глупости Сталина заподозрить невозможно!

Алексей Плотников. И Сталина, и советское руководство вообще, и руководство НКВД в частности!.. Поэтому такое обвинение лишено всякого политического смысла.

Игорь Шишкин. Теперь перейдём к возможностям. Они, конечно, у Советского Союза были, ведь эти люди находились в плену.

Алексей Плотников. Безусловно. В книге Юрия Мухина, который ещё в начале 90-х годов начал активно противодействовать «геббельсовской версии» событий в Катыни, отмечалось, что расстрелять поляков Сталин и НКВД могли, но только при условии, что они были идиотами. Он рассуждал так: представьте, что было принято решение о расстреле поляков. Неужели вы думаете, что их расстреливали бы под Смоленском, то есть в людном месте, рядом с большим городом? Их бы отвезли в Сибирь, высадили бы по пути, увели бы в тайгу и там ликвидировали. И их никто бы не нашёл и через сто, и через двести лет! Дураков не было.

Игорь Шишкин. А история с Медным?

Алексей Плотников. Утверждают, что поляков расстреливали в затылок в подвалах калининского здания НКВД (там, где сейчас находится Медицинская академия), на центральной улице Калинина (нынешней Твери)... Хотя, как мы знаем, в НКВД существовала чёткая инструкция: если расстрелы, то в тюрьме. Не зарегистрировано ни одного случая, чтобы где-то кого-то случайно расстреляли. А нас уверяют, что 6300 человек партиями завозили и расстреливали в подвалах НКВД, а потом-де отвозили в село Медное в 30 км от Калинина и там хоронили. Здравый смысл отсутствует!

Игорь Шишкин. Да, надо быть идиотом, чтобы в центре большого города устраивать такой «спектакль»: сначала целый день вести туда колонны поляков на виду у всех, а потом под утро вывозить трупы – машина за машиной – и столь же демонстративно!

Алексей Плотников. Более того, поляки «договорились» в 90-х годах до того, что чуть ли не экскаватором закапывали их соотечественников...

Игорь Шишкин. Про экскаватор я читал.

Алексей Плотников. Но это же абсурд! Одно это уже снимает всякие претензии к нашей стороне.

Игорь Шишкин. Тогда перейдём к уликам. А они вообще есть?

Алексей Плотников. Улик более чем достаточно. Но все они – против «версии Геббельса». Они легли в основу обвинений в Нюрнберге, где виновными в убийстве поляков были признаны гитлеровцы. Эти улики приведены в известном «Сообщении комиссии под руководством Николая Ниловича Бурденко о расстреле военнопленных поляков в Катынском лесу немецко-фашистскими захватчиками». Сообщение было сделано по итогам эксгумационных работ в январе 1944 года.

Напомню фактологию... Немцы начали эксгумацию в феврале 1943-го, после поражения под Сталинградом. 13 апреля они опубликовали провокационное заявление, которое тут же подхватило польское эмигрантское правительство в Лондоне. А в начале июня немцы неожиданно раскопки прекратили, сказав, что боятся эпидемии. На самом деле, просто был уже исчерпан пропагандистский эффект этой провокации как части ин-

формационной войны, курировавшейся лично Геббельсом... А в Катынь, я хотел бы напомнить, немцы свозили специальные делегации и корреспондентов, которым показывали результаты эксгумаций выборочно, под соответствующим «соусом»...

Игорь Шишкин. Даже военнопленных союзников привозили.

Алексей Плотников. Да. Как и абсолютно фиктивную комиссию медэкспертов из 12 человек, набранных в оккупированных и зависимых от Германии странах. Эта комиссия подписала нужные немцам протоколы.

А теперь скажу о прямых уликах в «катынском вопросе». Во-первых, расстрел из немецкого оружия: немецкие гильзы были в изобилии найдены в местах захоронений. Более того, на Нюрнбергском процессе фигурировала телеграмма, в которой «местные власти» сами с ужасом констатируют «немецкий след».

Игорь Шишкин. Что за телеграмма, кому и кем была направлена?

Алексей Плотников. Она была направлена весной 1943 года одним из советников генерал-губернаторства главному административному советнику Вайрауху в Краков. В ней говорилось, что во время эксгумационных работ, которыми руководил доктор Герхард Буц, служащими польского Красного Креста были найдены пули и гильзы немецкого производства. Вспомним известную запись в дневнике Геббельса, о том, что, не дай Бог, станет известно, что там немецкие гильзы, тогда вся версия рассыплется в прах. То есть, в отличие от поляков, даже он понимал, что доказать участие НКВД в 1940 году в расстрелах из немецкого оружия невозможно. Никто не отрицает аутентичность этого дневника.

Игорь Шишкин. А подлинность телеграммы?

Алексей Плотников. Телеграммы – тоже. Всё хранится в материалах Нюрнбергского процесса. Это документы, официально приобщённые к делу.

Игорь Шишкин. И наши союзники это признали?

Алексей Плотников. Да. Более того, хочу подчеркнуть ещё один важный факт, который тоже замалчивается. Во время Нюрнбергского процесса эту телеграмму нам передали... американцы!

Документ, подтверждающий, что расстреляли именно немцы, каким-то образом оказался у них. Были захвачены немецкие архивы. И этот существенный документ был приобщён к делу. О чём ещё можно говорить?!

Игорь Шишкин. Алексей Юрьевич, как известно, «мемориальцы» выдвигают две версии. Первая – откровенно шизофреническая, что не мешает, увы, её распространению: Сталин, мол, предвидя, что территория будет вскоре захвачена фашистами, специально приказал расстрелять поляков из немецких стволов, чтобы свалить преступление на германскую сторону. Вторая клеветническая версия заключается в том, что якобы отечественные пистолеты были настолько плохи, что перестрелять поляков из них не представлялось возможным. Пришлось купить немецкие...

Алексей Плотников. Обе эти версии за гранью разумного. Особенно, когда «эксперты» кивают на чемодан «вальтеров», которые были якобы специально закуплены для этих целей и привезены чуть ли не лично Богданом Кобуловым. Чтобы специально и только в Катыни расстрелять! Логика абсурда... Найдите, пожалуйста, подтверждение того, что кроме штатного вооружения, в войсках НКВД использовались иностранные пистолеты! Причём очень странного калибра – 7,65 миллиметра...

Игорь Шишкин. Это не про наше оружие явно.

Алексей Плотников. Такой уникальный – так называемый веймарский – калибр немцы сделали после Версальского договора, по которому им было запрещено производить пистолеты калибром более 8 миллиметров. Этих пистолетов было понаделано огромное количество. И, конечно, они шли в ход во время войны. Вот этот калибр (7,65 миллиметра) патрона от немецкой фирмы «Gustav Genschow & Co» тоже доказывает нашу непричастность к катынским расстрелам.

Игорь Шишкин. Расстрелы у нас были, конечно, но почему-то в других местах страны штатные советские пистолеты годились вполне. А для поляков, видите ли, понадобились немецкие...

Алексей Плотников. Да. И что тогда понималось под штатным оружием? Наган – надёжное, безотказное, эффективное оружие. Расстрелять из него при необходимости было бы значительно удобнее.

Ещё существовали офицерские пистолеты ТТ. Но расстреливать из ТТ – тоже нелепица. Потому что, по признанию самих немецких оружейников, только конструктору ТТ Ф.В.Токареву «удалось вместить столько силы и смерти» в калибр 7,62 миллиметра. Пистолет ТТ появился перед Второй мировой войной и состоял на вооружении только у офицеров. Если расстреливать из него с близкого расстояния, как расстреливали в голову поляков, то жертвам сносило бы половину черепа – как бы цинично это ни звучало. Такова была мощность. Поэтому злопыхатели могут успокоиться: никто бы не стал из ТТ расстреливать поляков; их расстреливали бы из наганов, если бы всё это было наших рук делом. Но расстреливали именно из «вальтеров».

И пока не докажут, что «вальтеры» были штатно используемы в НКВД или что существовали другие прецеденты использования нештатного оружия, можно не тратить времени для ответов на чьи-то бессильные потуги доказать недоказуемое.

Игорь Шишкин. Какие есть ещё доказательства?

Алексей Плотников. Многие расстрелянные в Катюны, 4123 человека, были эксгумированы немцами, и ещё около 1300-х – комиссией Бурденко. Обнаружено, что, по крайней мере, в первой главной могиле руки у них были связаны бумажным шпагатом. Это вторая прямая улика! Бумажного шпагата в Советском Союзе тогда не производилось. У нас был только пеньковый.

Соответственно, фальсификаторам придётся сильно постараться, чтобы доказать, что бумажный шпагат закупался нами за границей специально для связывания рук пленным полякам.

Игорь Шишкин. А ведь нигде в другом месте бумажный шпагат в ходе расстрелов, проводимых НКВД, вообще не использовался.

Алексей Плотников. И если бы шпагат использовался – то наш, пеньковый, он крепче.

Теперь – о третьей из улики. Практически у всех, кто был опознан среди эксгумированных

немцами 4123 расстрелянных (всего было опознано 2700), были найдены документы: паспорта, удостоверения офицеров, наградные документы, награды, справки, письма, открытки – всё, что позволяло их идентифицировать. При этом в НКВД существовала специальная инструкция, которая предписывала, что у расстреливаемых должно изыматься всё, могущее их идентифицировать. Поэтому такие документы у поляков мы никогда бы не оставили.

Это – прямое свидетельство их расстрела немцами.

Есть и ещё один важный момент, не очень приятный, но мы должны его помнить. Это – состояние обнаруженных тел. И немцы, и комиссия Бурденко подтвердили, что тела были в очень хорошей сохранности. Но если их, как нас пытаются убедить, расстреляли весной 1940 года, то до эксгумации в 1943-м прошло бы три жарких лета. Как известно из судебно-медицинской практики, в коллективных захоронениях (а это было массовое коллективное захоронение без гробов) тела быстро истлевают. Там должны были остаться лишь скелеты!

Поэтому даже представители вышеназванной комиссии из 12 судмедэкспертов: прежде всего, Франтишек Гаек из протектората Богемии и Моравии, имя которого мы должны вспоминать с благодарностью, – обратили на это внимание. И пришли к выводу, что расстрел был осенью 1941-го или зимой 1942 года, но никак не весной 1940-го. Что, кстати, отмечено и в материалах комиссии Бурденко.

И, наконец, ещё один очень важный факт: до сих пор не найдено документов о том, что данным полякам у нас был вынесен смертный приговор!

Игорь Шишкин. А как же знаменитые документы, которые Дмитрий Медведев передавал полякам, где были решения Берии и Сталина, подписи и всё остальное?

Алексей Плотников. Эти три документа, которые неожиданно всплыли только в 1992 году, имеют явные признаки неаутентичности, проще говоря, поддельности. Подделка разоблачена экспертами уже довольно давно. Слишком много несуразностей в них, начиная с цифр и заканчивая невозможным указанием на решение «Политбюро ЦК КПСС» (в 1940 году компартия СССР, как из-

вестно, называлась «ВКП(б)») в так называемой «Записке Шелепина» 1959 года.

Я думаю, что люди, которым дали задание изготовить данную «Записку», специально исполнили её так, чтобы любая профессиональная экспертиза показала её сфабрикованность, фальсифицированность.

Игорь Шишкин. То есть приказ был выполнен, надо выполнять, но совесть тоже есть?

Алексей Плотников. Да, и поэтому нужно сделать так, чтобы в последующем, если подлинность «изделий» будет рассматриваться в суде, поддельность их было легко установить. И, между прочим, такое косвенное судебное подтверждение есть. Это известный процесс по делу КПСС 1992 года, на котором эти фальшивки впервые и «всплыли».

Игорь Шишкин. Дело о запрете Компартии Советского Союза...

Алексей Плотников. Да. Тогда наши неразумные сторонники «гебельсовской версии» не нашли ничего лучшего, как представить в суд в качестве дополнительного доказательства «преступности КПСС» эти три документа! И суд отказался их приобщить к делу, потому что их содержание и оформление вызвало большие сомнения в их подлинности. То, что суд не принял в качестве вещдоков три настолько важных материала, я считаю одним из главных доказательств того, что была вброшена фальшивка.

Игорь Шишкин. Столь явная, что даже вопреки воле Ельцина не сработала!

Алексей Плотников. Совершенно верно. Оголтелая политика антисоветизма спасовала перед неопровержимостью факта подтасовки. Суд ещё был судом, который понимал, что существуют границы профессионального, и принять откровенно фальшивые документы не мог.

Есть и другие аргументы, которые указывают на то, что катынская трагедия – дело рук фашистов.

Например, открытость места. Там рядом, на берегу Днепра, находилась дача НКВД. И, по описанию самих же поляков, в лесу пролегали многочисленные дорожки. То есть это была не какая-то глухая чаща, а место открытое, обжитое, которое использовалось жителями Смоленска для отдыха.

А рядом, в двухстах метрах (!) от первой могилы с расстрелянными, проходит оживлённое Витебское шоссе. Движение по нему и в то время было достаточно интенсивным. Отсюда вопрос: как можно было незаметно в 1940 году, в таком публичном месте, расстрелять такую массу народа?

Игорь Шишкин. Весь Смоленск об этом бы знал.

Алексей Плотников. Конечно. А никаких сведений об этом нет!

И ещё один замалчиваемый момент: у поляков была весьма разветвлённая разведсеть, подчинявшаяся так называемой «Двойке» (по-польски «Двуйка»). Это второй отдел Генштаба польской армии. Она имела местные подразделения. Одно из них называлось «пляцувка» – агентурная сеть, действовавшая на территории противника. Была она и на территории Советского Союза. Так вот, в сохранившихся донесениях «пляцувки» 1939-1941 годов нет ни одного намёка на подобный расстрел.

Игорь Шишкин. А ведь польская агентура и после 1939 года в Смоленске оставалась.

Алексей Плотников. Да, причем действовала весьма активно, подчиняясь польскому эмигрантскому правительству в Лондоне.

И ещё крайне важно отметить отсутствие каких-либо документов о вынесении полякам смертного приговора. Нам говорят, что в Советском Союзе расстреливали «двойки», «тройки», «четвёрки» и так далее – всё, что угодно большому сознанию!

А, на самом деле, какие документы есть у них для вынесения столь «безусловного вердикта»? Этапные списки. Из лагеря «Козельск» польских военнопленных доставляли партиями в распоряжение УНКВД по Смоленской области на станцию Гнёздово. И это – всё! А дальше следует «неопровержимый вывод», что прямое доказательство найдено, что людей тут же отвозили в лес и выстрелом в затылок ликвидировали.

Но тех поляков вовсе не расстреливали, их везли на работы! Военнопленные, получив свои сроки в качестве осуждённых, работали на строительстве, в том числе и под Смоленском... Есть масса свидетельств 1939-1941 годов, что их видели в польской военной форме, в «конфедератках» с

квадратным верхом. Они, в частности, строили шоссе Москва – Минск. То самое шоссе, которое в 1944-45 годах сыграло важную роль в освобождении Польши.

А нам без конца внушают, что этапные списки и были смертным приговором. Мы же таким говорим: вы можете ненавидеть Советский Союз, называть его империей зла, но в СССР была чёткая, законная процедура, этого никто не может отрицать! Все смертные приговоры обязательно (!) имели соответствующее юридическое оформление, и, главное, оставались документы о приведении их в исполнение. Это были документы строгой отчётности.

Таких документов представлено не было. Они теперь нам говорят: вы их сожгли... Ну, извините, как говорится: слов нет!

Игорь Шишкин. Да, в самом деле: почему же не сжигали документы о расстреле всех остальных?

Алексей Плотников. Исключительно по полякам сожгли «расстрельную» документацию – так выходит? И вот, собственно, эти этапные списки и передали полякам Ельцин и Медведев. Это была часть материалов уголовного дела №159, которое велось Главной военной прокуратурой (ГВП). Оно так и называлось: «Катынское дело». Его закрыли в 2004 году, тогда документы полякам были переданы вторично.

Это всё, что у них есть. Никаких документов, где был даже намёк на расстрел, нет.

И ещё кое-что – для особых «любителей». Везде в этих трёх сфальсифицированных документах было прописано, что расстрел производился на основе решения «тройки».

Так вот, расстрельных «троек» должностного (не персонального!) состава в 1940 году просто-напросто не было. Они были ликвидированы за два года до этого наркомом внутренних дел Берия.

«Тройки» 1939-1941 годов могли осуждать максимум на заключение сроком от двух до пяти (реже восьми) лет. Вот всё, что могли делать «тройки» в то время. На что и были осуждены военнопленные поляки из трёх упомянутых выше лагерей.

Игорь Шишкин. Тем более, выносить смертные приговоры – да ещё тысячами! – они не могли.

Алексей Плотников. Не имели на то юридических полномочий. И ещё скажем о «Его величестве прецеденте», который так любит англо-американская правовая система. Есть ли прецедент, что когда-либо в Советском Союзе расстреливались иностранные военнопленные, особенно офицеры, включая генералов? Нет! А если нет прецедентов, почему же считают, что для поляков было сделано исключение?

Таковы аргументы, которые, я считаю, для любого непредвзятого человека, не говоря уже о суде, означают, что «катынское дело» за отсутствием состава и события преступления, должно быть закрыто раз и навсегда!

В обвинительном заключении Нюрнбергского трибунала зафиксировано однозначно: Катынь – преступление немцев! Может кто-то внятно, без истерики опровергнуть хотя бы одно из вышеперечисленных доказательств?

Игорь Шишкин. Но ведь противоположная сторона десятилетиями какие-то доказательства изобретает?

Алексей Плотников. Существенно ничего нового не появилось. Всплывшая в 1992 году «тройка с бубенцами», как её образно назвал Юрий Мухин (имея в виду упомянутые выше документы), является, как было показано, поддельной.

Игорь Шишкин. А как быть с показаниями генералов НКВД?

Алексей Плотников. Да, есть показания генералов НКВД Дмитрия Токарева и Петра Сопруненко. Последний был начальником Управления по делам военнопленных и интернированных (УПВИ) СССР.

Их в рамках открытого уголовного «Катынского дела» допрашивали следователи ГВП в начале 1990-х годов. Токареву тогда было уже 90 лет, а Сопруненко – 84 года. Первый был совсем больной. Они говорили то, что от них хотели услышать – человеческая слабость, простительная в столь преклонном возрасте и в той ненормальной политической обстановке. Тем более, оба, очевидно, знали, что это был заказной, с заранее предreshённым политическим выводом процесс!

Но Токарев в глубине души оставался чекистом. И наговорил такой несурезицы, что любой судебный эксперимент сразу бы его слова опроверг. Он делал это специально и сознательно. Неподаром он упомянул про жуткий экскаватор и процедуру расстрела в подробностях, которые были просто технически невозможны.

Игорь Шишкин. То есть 90-летний человек переиграл следователей – так выходит?

Алексей Плотников. Да, переиграл. Можно даже сказать – вчистую. Хотел бы подчеркнуть ещё один факт: до настоящего времени никакого законного, судебного решения по «Катынскому вопросу» против нас, Советского Союза, нет. Поэтому «геббельсовцы» иностранные и здешние всячески увиливают от передачи дела в суд. Потому что понимают, что правовые, юридические обоснования – не в их пользу.

Нет никакого иного судебного решения после значимого для всех людей доброй воли решения Нюрнбергского трибунала!

Игорь Шишкин. Но ведь пропаганда с конца 1980-х годов с подачи Александра Яковлева уверяет, что Нюрнберг отказался признавать Катынь преступлением немцев!

Алексей Плотников. Что тут скажешь? Эта ложь не случайно была озвучена именно Яковлевым и его «подельниками» – откровенными врагами СССР.

Вернёмся к обвинительному заключению Нюрнбергского трибунала. Возьмите газету «Правда», там чётко написано: «Один из эпизодов, приравненных к военным преступлениям, – расстрел военнопленных, включая расстрел 11 000 польских военнопленных в Катыни, значит как преступление немцев в обвинительном заключении». Как говорится, слова из дела не выкинешь!

Да, в итоговый приговор «Катынский эпизод» не включён, но здесь нужно вспомнить, что в материалах Нюрнбергского трибунала фигурируют примеры 18 случаев наиболее характерных расстрелов немцами военнопленных. Среди них есть и катынский, но в итоговый приговор в результате вошёл лишь один (расстрел немцами в Сагане английских лётчиков).

Почему так? Может, по соображениям политкорректности. Может, и по иным, но именно этот

единственный эпизод вошёл в итоговый приговор. Разве это означает, что другие, доказанные в ходе процесса, но не вошедшие в текст Приговора случаи расстрела немцами военнопленных являются недействительными? Конечно, нет!

Именно поэтому наличие в обвинительном заключении трибунала «Катынского эпизода» свидетельствует о том, что Нюрнберг однозначно признал этот расстрел преступлением фашистской Германии.

Игорь Шишкин. Однако вскоре была создана комиссия конгресса США, которая объявила Советский Союз виновным. Она обратилась к Эйзенхауэру с предложением созвать международный трибунал, на что президент Соединённых Штатов ответил отказом.

Алексей Плотников. Дуайт Эйзенхауэр был человеком разумным, хотя отнюдь не просоветски настроенным. Просто он понимал разницу между большой политикой и судебным разбирательством, и знал, что суд подтвердит вердикт Нюрнбергского трибунала.

Игорь Шишкин. А главным доказательством того, что Советский Союз всего этого не совершал, является то, что сторонники обвинения «засветились» в подделках документов.

Алексей Плотников. Когда не остаётся аргументов, прибегают к таким вещам. Тут всё ясно.

Ещё один важный замалчиваемый факт. В своё время Михаил Горбачёв поручил последнему генеральному прокурору Советского Союза Николаю Трубину провести проверку всех материалов дела. Была негласно поставлена чёткая политическая задача – найти факты, опровергающие версию комиссии Бурденко. Есть соответствующая служебная переписка.

По итогам работы есть докладная записка Трубина, она опубликована, но сейчас её замалчивают: там чёрным по белому написано, что по результатам проверки никаких документов, опровергающих версию комиссии Бурденко, не обнаружено.

Как вы считаете, генеральный прокурор Советского Союза имел доступ ко всем секретным и сверхсекретным документам? Я думаю, имел. И вот эта записка как раз и подтверждает то, что никакой «тройки с бубенцами» в качестве подлинных

документов тогда, в конце 1980-х гг., не существовало. Потому что не существовало никогда.

Фальшивка была изготовлена, по всей видимости, в 1991-92 годах. Впервые она «всплыла» и была «засвечена» в журнале «Военные архивы России» в начале 1993 года.

Итак, есть записка Трубина. Пусть попробуют теперь опровергнуть, сказать, как обычно, что и он был идиотом, или его заставили её написать.

Игорь Шишкин. Что-то уж очень много «идиотов» получается в этой истории!

Алексей Плотников. Слишком много. Если генеральный прокурор пишет, что ничего не обнаружено, а потом Горбачёв по политиканским соображениям в 1990 году публикует противоположное, позорное заявление, и два года спустя объявляются три документа, которых раньше никогда не было, то о чём ещё можно говорить? «Дело», как говорится, ясное.

Игорь Шишкин. Но дезинформация становится ценнейшей информацией. Ибо, как только выясняется, что документы поддельные, возникает железобетонное доказательство непричастности СССР к совершению этого преступления.

Алексей Плотников. Очень правильная постановка вопроса! Хотел бы добавить: обвинение в фальсификации архивных документов – это уголовная статья!

Игорь Шишкин. Притом тяжелейшая...

Алексей Плотников. Да, тяжелейшая. Фальсификация была, включая поддельные печати на факсимиле, включая бланки. Кроме них и образцов подписей, в этих текстах правили бал цифры – запредельные. Их зачёркивали, ставили что-то от руки. Существовала очень большая архивная папка с грифом «Секретно»...

Игорь Шишкин. Да, Виктор Илюхин её предъявлял...

Алексей Плотников. Большой том, который, очевидно, содержал документы как подлинные, так и поддельные. Но я хотел бы обратить внимание, что эта папка не была посвящена «катынскому делу». Она касалась политики советского правительства накануне войны. И там были некоторые документы, которые были изготовлены для того, чтобы в дальнейшем Советский Союз обвинить в тех грехах, которых он не совершал. Где находится этот фолиант теперь, я не знаю.

Покойный Виктор Иванович Илюхин успел публично засветить эти поддельные документы и назвать поимённо причастных к их изготовлению лиц, которые входили в эту фальсификаторскую группу и которые потом странным образом не подали на него заявлений в суд за клевету. Но при этом данные лица не были привлечены и к ответственности за подлог.

Станным – хотя и вполне объяснимым – является также отсутствие прокурорского реагирования. Речь, повторим, шла о публичном обвинении в государственном преступлении.

Игорь Шишкин. Всё это, повторю, является доказательством того, что Катынь – вовсе не историческая тема, она «опрокинута» в актуальную политику. И поднимаемый врагами России «катынский вопрос» – это преднамеренная диверсия.

Алексей Плотников. Да, существует никакая не мифическая, а реальная «пятая колонна» с «катынским подразделением», давайте его так условно назовём. Этим людям правда не нужна, они знают, что лгут. «Катынский вопрос» для них – орудие информационной войны, которую они ведут против наших ценностей, нашего геополитического пространства, нашей истории, против того, что мы существуем и продолжаем им противостоять.

Игорь Шишкин